

УДК 343

DOI: 10.25799/AR.2019.71.1.032

**Показания обвиняемого, с которым заключено
соглашение о сотрудничестве, как способ выполнения
обязательств, предусмотренных таким соглашением**

Попрядухин Алексей Вячеславович

Лейтенант полиции,
адъюнкт кафедры уголовного процесса,
Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1;
e-mail: Poprjaduhin90@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены особенности показаний обвиняемого, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, выступающих как способ выполнения обязательств, предусмотренных таким соглашением. Автор приходит к выводу, что в судебном разбирательстве необходимо проводить полнообъемное исследование собранных доказательств в рамках уголовного дела, чтобы суд мог убедиться в соответствии действительности показаний лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, так как на основании рассмотрения основного дела может быть объективно установлена степень выполнения лицом своих обязательств и достоверность его показаний. Чтобы исключить ряд процессуальных проблем, материальной формой которых являются правовые коллизии, судебские ошибки и казусы, необходимо изменение действующего законодательства, согласно которому возможно рассматривать выделенное уголовное дело в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, только после рассмотрения основного дела соучастников.

Для цитирования в научных исследованиях

Попрядухин А.В. Показания обвиняемого, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, как способ выполнения обязательств, предусмотренных таким соглашением // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 1А. С. 237-244.

Ключевые слова

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, обвиняемый, выполнение обязательств, закон, право.

Введение

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве выступает сегодня в качестве результата дифференцирования форм уголовного процесса, а также может позиционироваться в качестве закономерного явления развития уголовно-процессуального права. К тому же, его природа содержит договорную составляющую (ведь речь идет о сделке), чем определяется качественно новый уровень применения уголовно-процессуальных форм: частное, диспозитивное начало становится частью публично-правовой сферы. Рассматриваемый институт выступает уже как договорная модель отношений государства и обвиняемого, им определяется правовая сущность соглашения сторон о признании обвиняемым обвинения, а также об оказании им содействия органам уголовной юстиции.

Сегодня институт досудебного соглашения о сотрудничестве является самым результативным из определенных в законе способов привлечения обвиняемых к сотрудничеству. Следственным органам, использующим предусмотренную анализируемой главой УПК РФ процедуру, удалось раскрыть общественно значимые преступные проявления, разоблачить организаторов особо тяжких преступлений, а также лидеров преступных группировок.

Основная часть

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве – это согласительная процедура, основой которой является добровольно взятое на себя обязательство подозреваемого (обвиняемого) оказать следствию содействие в разоблачении соучастников преступления, получив при этом преференции, выражающиеся в существенном снижении наказания за содеянное.

Факт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве – это уникальное смягчающее наказание обстоятельство. Если прокурор в судебном заседании подтверждает, что обвиняемый исполнил условия досудебного соглашения, то последний получает фактическую гарантию избежать, в частности, пожизненного лишения свободы, а максимальная санкция, применяемая к нему, может быть снижена наполовину.

Соответственно, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве – это самое результативное средство смягчения уголовного наказания для обвиняемых, поэтому очень высок риск того, что у них возникнет умысел ввести правоохранительные органы в заблуждение по вопросам, касающимся обстоятельств совершенного преступления. По этой причине следователю необходимо максимально закрепить полученную от субъекта досудебного соглашения информацию посредством других доказательств.

На наш взгляд, именно достоверность показаний обвиняемых, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, может служить критерием оценки выполнения лицом своих обязательств, а также возможности применения в данном случае особого порядка судебного разбирательства.

Однако оценка достоверности показаний имеет ряд сложностей. Исследуя проблему оценки показаний обвиняемых, М.С. Строговичем было отмечена необходимость принимать во внимание следующие аспекты:

1) заинтересованность обвиняемого в смягчении ответственности за содеянное путем ложного оговора;

2) нераспространение на обвиняемого уголовной ответственности за ложный оговор [Строгович, 1958, 260].

Исследователь А.В. Пиюк указывал также следующее: в состав института досудебного соглашения о сотрудничестве не включен эффективный механизм защиты прав лица, которое заключило соглашение о сотрудничестве с органами расследования, а также лиц, относительно которых обвиняемым были даны показания [Пиюк, 2017, 12]. Соответственно, нормы главы 40.1 УПК РФ лишают лиц, избличаемых обвиняемым, прав, закрепленных в ст. 6 УПК РФ, обеспечивающих защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Желание смягчить наказание может подтолкнуть обвиняемых к введению правоохранительных органов в заблуждение относительно обстоятельств рассматриваемого дела.

Если содержание показаний обвиняемого, данных им в процессе реализации досудебного соглашения о сотрудничестве должна подтверждать добросовестность выполнения им соглашений, то ни в одной из статей гл. 40.1 УПК РФ нет упоминаний о добросовестном отношении стороны обвинения к полученной ими в рамках досудебного соглашения информации. Таким образом, правовой аспект применения полученной информации закон не регулирует. Соответственно, неизбежно могут возникнуть трудности в рамках правовой оценки активного содействия следствию с позиции обвиняемого (подсудимого)? Это касается, например, предоставления информации о преступной деятельности иных лиц, в силу каких-либо причин не использовавшейся (или использовавшейся не в достаточной мере) следственными органами. Подобные действия могут оказать влияние на представление об особом порядке судебного заседания по делу данного подсудимого (обвиняемого), а также на вынесение справедливого приговора судом.

Сокращение наказания в пределах, которые предусмотрены законом, не должно зависеть от количества преступлений или уголовных дел, обнаруженных или возбужденных по результатам сотрудничества с обвиняемым по той причине, что на обвиняемого, подсудимого не должна возлагаться ответственность за уровень и качество предварительного расследования. Соответственно, положение п. 1 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ должно быть рассмотрено в качестве базового условия для того, чтобы судом был применен особый порядок к лицу, которое заключило досудебное соглашение. Условие же, закрепленное в п. 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ, как мы считаем, можно учесть, проводя оценку активного содействия следствию со стороны обвиняемого тогда, когда последнее не зависит от качества проверочных мероприятий, проведенных на основе сообщаемых сведений.

Еще одну проблему оценки показаний обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, отметил профессор З.З. Зинатуллин. Он считает, что требовать от заключившего соглашение о сотрудничестве обвиняемого полной и точной информации о роли других соучастников преступления, о совершенных ими преступлениях и наступивших от них последствиях нельзя по причине запрета перелагать соответствующему должностному лицу своей обязанности по доказыванию обстоятельств дела на обвиняемого [Зинатуллин, Ившин, 2010, 5]. Содержание предположительных суждений обвиняемого о такого рода обстоятельствах выступают в качестве исключительного повода для того, чтобы проверить их в определенном законом порядке и установить посредством уголовно-процессуального доказывания. Например, в практике имели место факты, когда правоохранительными органами без дополнительной проверки принималась версия сотрудничающего со следствием обвиняемого в качестве основной, и достаточные следственные действия, направленные на ее

проверку, не проводились. Например, в процессе расследования уголовного дела в отношении В., который обвинялся в хищениях и угонах 8 транспортных средств, отсутствовала критическая оценка показаний обвиняемого о фактически единоличной преступной деятельности. В процессе допросов В. сообщалось, что Г., Д. и С., которые занимались перебивкой идентификационных номеров на похищенных транспортных средствах, не были знали о его преступной деятельности, а также о том, что сокрытые ими автомобили были украдены. Однако, согласно материалам дела, соучастники преступления имели сканеры, при помощи которых осуществляли отключение автомобильной сигнализации, специальные устройства, позволяющие вскрывать двери и замки зажигания. Также, в процессе допросов Г., Д. и С. сообщали о том, что они совершили совместно с В. иные эпизоды преступной деятельности, но проверка указанных показаний в ходе предварительного следствия также не была проведена. Соответственно, по версии В., которая была принята принятой следователем как единственно верная без дополнительной проверки, осужденным самостоятельно похищались автомобили, а соучастники преступлений только уничтожали идентификационные номера.

Также дискуссионным является вопросы о моменте предоставления снисхождения суда лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, даже в случае выполнения им своих обязательств в рамках такого соглашения.

Ю. Чайка отмечал, что имеющаяся в России практика сделок с правосудием в противовес зарубежному опыту реализуется в крайне уродливой форме. Так, если за рубежом, виновному, заключившему такое соглашение, прежде всего необходимо выполнить свои обязательства в рамках содействия следствию, затем только он может получить снисхождение в суде, то в России виновный получает сначала право на особый порядок судебного разбирательства и только потом дает нужные показания в суде, от которых в последствии может отказаться [Орлов, www].

В частности, например, рассмотрение выделенного уголовного дело в отношении лица, заключившего со следствием соглашение о сотрудничестве, происходит рассмотрения основного дела соучастников, поэтому у судьи, рассматривающего дело относительно сотрудничавшего со следствием обвиняемого, отсутствует возможность полного и всестороннего исследования обстоятельства дела, дачи объективной оценки роли лица, которое заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, установления истинности или ложности сведений, которые представлены следствию, так как разбирательство проводится в особом порядке. По этой причине достаточно сложно осуществить проверку соблюдения обвиняемым условий заключенного соглашения.

В случае же рассмотрения дела в силу ряда причин относительно такого обвиняемого в общем порядке, суду придется провести два полноценных судебных следствия, предметом которых станут дублирующие друг друга уголовные дела, следствием чего будет увеличение нагрузки на суды.

Необходимо сказать, что в рамках ст. 90 УПК РФ обстоятельства, которые установлены посредством вступившего в законную силу приговора, суд, прокурор, следователь, дознаватель в последствии признаются без дополнительной проверки. Соответственно, обстоятельства, которые устанавливает один приговор суда (в судебном заседании, проводимом в особом порядке), без дополнительной проверки будут признаны судом, который рассматривает дело в общем порядке в отношении других соучастников. Тщательно и всесторонне исследовать эти обстоятельства можно, только проведя полноценное судебное следствие, способное определить ошибки и неточности в их установлении. И, как считает Л.В. Головкин, это влечет за собой

возникновение разного рода процессуальных схем «обхода» процессуальных гарантий, когда в начале заключают «делку», потом данному обвиняемому выносят обвинительный приговор, а после имеет место использование данного приговора в качестве преюдиции в рамках основного дела (относительно соучастников, отрицающих вину), которое суд только планирует рассмотреть. Подобным подходом иницируется нивелирование любых гарантий состязательного процесса, так как совокупность вменяемых в вину фактов получает статус доказанности выступает становятся якобы доказанными на основе вступившего в законную силу судебного решения по ранее выделенному делу. Формально это является верным, но суть правосудия извращена, так как данные факты доказательству ранее не подлежали [Головкин, 2012, 21].

Ранее проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П содержал следующее положение: если приговор вынесен в особом порядке в отношении сотрудничавшего со следствием лица, то у него отсутствует преюдициальное значение. Но окончательная редакция Постановления это положение не содержит. Соответственно, до сих пор решения вопроса, касающегося преюдициального значения приговора суда относительно лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, для решения судьбы по другому делу, нет.

Также, может возникнуть проблема, когда лицо, заключившее со следствием досудебное соглашение, уже осужденное в особом порядке и имеющее в анамнезе приговор, вступивший в законную силу, придет к решению изменить по ряду причин свою точку зрения и в последующем судебном процессе в рамках рассмотрения «основного» дела осуществит изменение показаний относительно других членов преступного сообщества [Сумачев, Морозов, Мильтова, 2011, 56]. Также он может использовать право, предоставленное ему ст. 51 Конституции РФ, регламентирующей право отказа от дачи показаний. Подобная ситуация вроде бы предусмотрена в ст. 317.8 УПК, где указано, что если после назначения подсудимому наказания обнаружится, что им умышленно были сообщены ложные сведения или умышленно скрыты от следствия какие-либо существенные сведения, то приговор должен быть пересмотрен в порядке, установленном разделом 15 УПК РФ. Однако не совсем ясно, каким образом происходит согласование положений указанной статьи согласуются и требований ст. 405 УПК, предусматривающей недопустимость поворота к худшему в случае пересмотра судебного решения в порядке надзора [Кирсанов, 2012, 28]. И если Конституционным Судом РФ в ранее указанном Постановлении Пленума ВС РФ от 08 декабря 2012 года № 18-П положения ст. 405 УПК были охарактеризованы как не в полной мере отвечающие требованиям Конституции, то этим же Постановлением КС РФ было определено, что проведение пересмотра решения суда, влекущего за собой ухудшение положения осужденного, может быть осуществлено только в течение года со дня вступления его в законную силу.

Соответственно, совершенно реальными являются ситуации, когда рассмотрение уголовных дел относительно остальных членов преступного сообщества иницируют через год или несколько лет после осуждения лица, заключившего со следствием досудебное соглашение (например, в случае нахождения соучастников в розыске); норма, регулирующая пересмотр решения суда, ухудшающего положение осужденного, приобретает статус рабочей и разрешает указанным лицам отказаться от исполнения взятых на себя обязательств в рамках заключенного соглашения о сотрудничестве, лишая судебное разбирательство ценной доказательственной базы, получая при этом значительное смягчение наказания [Бородинова, 2014, 90].

Заключение

Для того, чтобы исключить вышеуказанные процессуальные проблемы, материальной формой которых являются правовые коллизии, судебные ошибки и казусы, необходимо изменение действующего законодательства, согласно которому возможно рассматривать выделенное уголовное дело в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, только после рассмотрения основного дела соучастников. Здесь можно будет говорить о соблюдении принципа непосредственности, когда в судебном разбирательстве будет проведено полнообъемное исследование собранных доказательств в рамках уголовного дела, и суд сможет убедиться в соответствии действительности показаний лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (не осуществлял ли он специально самозащиту путем переложения вины на соучастников). Ведь только на основании рассмотрения основного дела может быть объективно установлена степень выполнения лицом своих обязательств и достоверность его показаний.

Библиография

1. Бородинова Т.Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России. М., 2014. 183 с.
2. Головкин Л.В. Казахстан десоветизация уголовного процесса. Статья 3. В стиле новых тенденций // Уголовное судопроизводство. 2012. № 2. С. 21-22.
3. Зинатулин З.З., Ившин В.Г. Уголовная политика России начала XXI века: стержневые направления развития // Проблемы применения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам. Ижевск, 2010. С. 5-12.
4. Кирсанов А.Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Анализ, практика, выводы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012. 126 с.
5. Орлов П. Сделка сорвалась // Российская газета 17.02.2014. № 36.
6. Пилюк А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Томск, 2017. С. 12.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан».
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного права. М.: Академия наук СССР, 1958. С. 260.
9. Сумачев А.В., Морозов В.И., Мильтова Е.В. Уголовно-правовая характеристика деятельности, направленной на достижение задач правосудия (примирение сторон и досудебное соглашение о сотрудничестве). Тюмень, 2011. 261 с.
10. Уголовное дело № 51/143-2012 по обвинению В. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 158 УК РФ (8 эпизодов). Рассмотрено в порядке главы 40¹ УПК РФ.

Testimony of the accused, with whom a cooperation agreement has been concluded, as a way to fulfill the obligations provided for by such an agreement

Aleksei V. Popryadukhin

Police Lieutenant,
Adjunct of the Department of Criminal Procedure,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
198206, 1, Letchika Pilyutova st., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Popryadukhin90@mail.ru

Aleksei V. Popryadukhin

Abstract

The research presented in the article deals with the specifics of the testimony of the accused, with whom a cooperation agreement has been reached, acting as a way to fulfill the obligations stipulated by such an agreement. The author concludes that a full-scale investigation of the evidence collected in a criminal case must be carried out in court proceedings so that the court can verify that the testimony of a person with whom a pre-trial agreement on cooperation has been valid, since on the basis of the examination of the main case the degree of the performance of a person of their obligations and the accuracy of his testimony. To eliminate a number of procedural problems, the material form of which are legal conflicts, judicial errors and incidents, it is necessary to change the current legislation, according to which it is possible to consider a dedicated criminal case against a person with whom a pre-trial cooperation agreement has been concluded, only after consideration of the main case of accomplices. In order to exclude the procedural problems described in the article, the material form of which are legal conflicts, judicial errors and incidents, it is necessary to change the current legislation.

For citation

Popryadukhin A.V. (2019) Pokazaniya obvinyaemogo, s kotorym zaklyucheno soglashenie o sotrudnichestve, kak sposob vypolneniya obyazatel'stv, predusmotrennykh takim soglasheniem [Testimony of the accused, with whom a cooperation agreement has been concluded, as a way to fulfill the obligations provided for by such an agreement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (1A), pp. 237-244.

Keywords

Institute of a pre-trial agreement on cooperation, accused, fulfillment of obligations, law, law.

References

1. Borodinova T.G. (2014) *Teoreticheskie i pravovye osnovy formirovaniya instituta peresmotra prigovorov v ugolovno-protsessual'nom prave Rossii* [Theoretical and legal foundations of the formation of the institution of the review of sentences in the criminal procedure law of Russia]. Moscow.
2. Golovko L.V. (2012) Kazakhstan desovetizatsiya ugolovnogo protsessa. Stat'ya 3. V stile novykh tendentsii [Kazakhstan desovetisation of the criminal process. Article 3. In the style of new trends]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal proceedings], 2, pp. 21-22.
3. Kirsanov A.Yu. (2012) *Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve. Analiz, praktika, vyvody* [Pre-trial agreement on cooperation. Analysis, practice, conclusions]. Moscow: YuNITI-DANA, Zakon i parvo Publ.
4. Orlov P. (2014) Sdelka sorvalas' [The deal failed]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 36.
5. Piyuk A.V. (2017) *Teoreticheskie osnovy uproshcheniya form razresheniya ugolovnykh del sudom v Rossiiskoi Federatsii: tipologicheskii aspekt. Doct. Dis.* [Theoretical foundations of simplifying the forms of resolution of criminal cases by the court in the Russian Federation: a typological aspect. Doct. Dis.]. Tomsk.
6. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 8 dekabrya 2003 g. № 18-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii statei 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 i 408, a takzhe glav 35 i 39 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zaprosami sudov obshchei yurisdiksii i zhalobami grazhdan»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2003 No. 18-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as chapters 35 and 39 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with requests from courts of general jurisdiction and citizens' complaints"].
7. Strogovich M.S. (1958) *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava* [The course of the Soviet criminal law]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
8. Sumachev A.V., Morozov V.I., Mil'tova E.V. (2011) *Ugolovno-pravovaya kharakteristika deyatel'nosti, napravlennoi na dostizhenie zadach pravosudiya (primiren timeron i dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve)* [Criminal law characteristics of activities aimed at achieving the objectives of justice (reconciliation of the parties and pre-trial agreement on cooperation)]. Tyumen.

9. *Ugolovnoe delo № 51/143-2012 po obvineniyu V. v sovershenii prestuplenii, predusmotrennykh ch. 4 st. 158 UK RF (8 epizodov). Rassmotreno v poryadke glavy 40¹ UPK RF* [Criminal case No. 51/143-2012 for the accusation of V. of committing crimes under Part 4 of Art. 158 of the Criminal Code (8 episodes). Considered in accordance with Chapter 40¹ of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation].
10. Zinatulin Z.Z., Ivshin V.G. (2010) *Ugolovnaya politika Rossii nachala KhKh1 veka: sterzhnevye napravleniya razvitiya* [Criminal policy of Russia of the beginning of the XXI century: the core directions of development]. In: *Problemy primeneniya dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve po ugovolnym delam* [Problems of application of the pre-trial agreement on cooperation in criminal matters]. Izhevsk.